

Валентина Поваляева

ПОДАРОК СУДЬБЫ

ПОВЕСТЬ

Валентина Поваляева
Подарок судьбы. Повесть

«Издательские решения»

Поваляева В.

Подарок судьбы. Повесть / В. Поваляева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833297-5

Судьба — известная шутница и может вручить свой подарок в любой, самый неожиданный момент. К примеру, Антонину, менеджера агентства недвижимости, судьба решила отблагодарить за долготерпение во время служебной командировки. Правда, перед этим ей пришлось взять на себя заботы о незнакомом подростке, познакомиться с тайнами умирающей деревни, наткнуться на мумию хозяина особняка, выставленного на продажу, а также найти жениха для собственной тетушки Веры...

ISBN 978-5-44-833297-5

© Поваляева В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Подарок судьбы Повесть

Валентина Викторовна Поваляева

© Валентина Викторовна Поваляева, 2016

ISBN 978-5-4483-3297-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Наверное, мне следовало наградить его пощечиной.

Любая бы женщина на моем месте так прореагировала! Представьте, субъект мужского пола, с которым вы знакомы не больше двух минут, сначала с диким восторгом пялится на ваше лицо, а потом фамильярно заявляет:

– А ты, оказывается, грязнуля!

И после этой уничижительной реплики, облизнув похожий на сосиску палец, начинает стирать с вашего подбородка родинку, спутав ее с прилипшей шоколадной крошкой.

Но я не стала разбрасываться оплеухами, а терпеливо ждала, когда толстобрюхий «джентльмен» поймет наконец фатальную ошибку и извинится. Громогласно обижаться я не имела права. В соседней комнате пили чай моя тетушка Вера и ее подруга, мама этого бегемота, возмнившего себя «выгодной партией для бедной девочки». Так, по крайней мере, говорила тетя.

После того как мамуся вышла замуж за австралийца и укатила на его ферму, старшая сестра матери решила целиком и полностью посвятить себя заботе об оставшейся на родине сиротке, то есть обо мне. И Вере глубоко наплевать, что «дитяtko» благополучно дожило до тридцати годочков, имеет диплом о высшем образовании и вполне приемлемую работу. Кстати, есть у меня и жилье, свое, собственное.

Вот тут я немного лукавлю: двухкомнатная квартира – родительская. Но маменька возвращаться назад не собирается, она вполне счастлива со своим австралийским Оливером, а отца в последний раз я видела лет в восемь, когда он молча собирал чемодан, чтобы уйти от нас с мамой к любовнице. С тех пор я с папенькой не общалась. Алименты он не платил, мама тянула меня на зарплату поварихи, работала она в заводской столовой.

Помню, однажды к нам домой пришел судебный пристав, который (наивный, однако!) выпрашивал у мамуси, где может находиться ее бывший муж. Оказывается, мама все-таки однажды набралась смелости и подала на алименты, но... Долг алиментщика копился, а разыскать отца не могли. А может, не особо и старались? В итоге мамуля психанула и забрала заявление, которое пристав (так кстати!) имел при себе в кожаном плоском портфельчике. Мать тогда плюнула и сказала мне:

– Ну и ладно, дочь, прорвемся. Может, оно к лучшему. А то сначала будет алименты платить по копейке, а потом навяжется на тебя, старый черт, скажет, что должна ему...

Я по малолетству ничего не поняла. А когда подросла и уразумела, что к чему, образ отца стерся из памяти.

Из квартиры папаша выписался сразу после развода с мамой, поэтому о том, что придется делить квадратные метры с этим ставшим мне чужим человеком или его новыми родственниками, можно было не беспокоиться.

Словом, жить бы мне да радоваться, но тетушка вбила себе в голову, что я, видите ли, чахну от одиночества! Дескать, все мои сверстницы замужем, одна я в девках пропадаю! Вера считала: нормальная, по-настоящему счастливая женщина – только та, которая, во-первых, имеет мужа. Во-вторых, вечера проводит на кухне у плиты, на которой бурлит здоровенная кастрюля с борщом, а в сковородке скворчат жиром котлеты. В-третьих, нянчится с детьми, играет с ними, готовит уроки и прочее, прочее, прочее. При всем при этом Верочка замужем никогда не была! Откуда у нее сложилась такая чудовищная формула женского счастья – диву даюсь! И вот к этому «идеалу» тетушка всеми силами меня подталкивала. Уже полгода она приводила ко мне домой подходящих, на ее взгляд, кавалеров, чтобы я, смирившись, сделала окончательный выбор и бодрой поступью отправилась под венец.

При всем при том для любимой племянницы Вера женихов, видимо, отыскивала на рынке неудачников. Это были, в основном, или маменькины сынки, мечтающие вместо жены получить бесплатную домработницу, или откровенные лентяи с интеллектом на уровне плин-туса, но с амбициями на высоте Останкинской телебашни, возомнившие себя великими творцами. Жаль только, что их шедевры (чудо-изобретения, картины, стихи и романы) никто покупать не желал, а кушать хотелось, поэтому появилась потребность в жене, которая бы взвалила на свои плечи все тяготы по решению банальных проблем пропитания.

Естественно, подобных «принцев» я выставляла за порог с искренним пожеланием найти «идеальную женщину», а тетушке показывала кулак. Но Верочка закатывала глазки и обещала, что в следующий раз она непременно познакомит меня с необыкновенным мужчиной.

– Не надо! – протестовала я.

– Мечта! Подарок судьбы! Кто же при здравом уме от него откажется? – говорила тетушка, и грудь ее взволнованно вздымалась.

Очередным «подарком» стал Виталик. Вернее, Виталий Александрович Костиков. Заплывший жиром тридцатипятилетний кандидат какого-то затрапезного вуза с трудно произносимым названием. Хамоватый тип, который с первого момента стал вести себя невыносимо фамильярно, а к тому же наполненный до отказа мужским шовинизмом. Он сразу дал понять: «женщине дорога от плиты до порога», а потом принялся с силой стирать родимое пятно с подбородка предполагаемой невесты. И когда потерпел неудачу – кожа на подбородке покраснела, а родинка, естественно, осталась на прежнем месте – похлопал белесыми, как у поросенка, ресничками и ляпнул:

– Да ты еще и страшненькая! Ну, мне мать и удружила!

После этих слов гостеприимная хозяйка во мне испарилась, зато родилась фурия, выгнавшая обнаглевшего борова за порог. Когда тетушка и ее подруга выбежали на шум, я уже закрыла входную дверь. Потом обернулась к доброжелательницам и голосом, не предвещавшим ничего хорошего, заявила, что женихами я сыта по гроб жизни.

– Не зарекайся, – хмыкнула Веруня.

Глава 2

Конечно, меня позабавило, насколько серьезно обиделась Верина подруга Наталья Ивановна. Как же, хотела отдать самое дорогое – ненаглядного сыночку, выкормленного на сметане и воспитанного под музыку Штрауса, а мерзкая девица-перестарок вышвырнула его за порог как затоптанную грязными подошвами тряпку! Минут двадцать мамуля Виталика читала мне нравоучения на тему: «Послушные девочки, которые уважают старших, так не поступают», но я мысленно отгородилась от нудящей тетки защитным куполом и слушала нотации с мечтательной улыбкой идиотки. Между прочим, очень удобно: представишь, что вокруг тебя выросла крепкая стена из пуленепробиваемого стекла, желательно с внешней стороны имеющего зеркальный эффект, и ни одно ругательство, ни один «совет» злобствующего начальства или «доброжелателей» не коснется твоего «я». Не пробовали? Советую! Мне лично этот способ сохранения здорово помогает.

Кстати, после инцидента с Виталием, Вера перестала меня сватать. Или устала пристраивать племянницу, или на рынке неудачников временно наступил кризис.

Я облегченно вздохнула. Спокойно убегала каждое утро на работу, с еще большей радостью возвращалась вечером домой, облачалась в любимый домашний халат и усаживалась на диван перед телевизором с вязальными спицами в руках. Вязать люблю, и многие вещи из моего гардероба – «собственного производства».

Сейчас я намеревалась сварганить летний жакет. Для него специально купила чудную мягкую пряжу нежного голубого цвета и уже представляла, как наряжусь в обновку и пройду по городу под завистливыми взглядами белоручек, не способных и нитку вдеть в иглолку. Голубой цвет идеально подчеркнет красоту моих серых глаз, и мужчины при одном взгляде на меня будут замирать от восторга. На дворе середина мая, так что если очень постараться, то уже в июне я буду щеголять в жакете. И даже Вера, опять явившаяся в гости с очередной порцией рассказов о счастливой семейной жизни ее подруг и знакомых, не могла выбить меня из колеи. Правильно, я вязала, «надев» чудесный купол.

– Когда же ты поймешь, что когда-нибудь так и закончишь жизнь на диване! Одна, с этими чертовыми спицами, – бурчала тетушка, кутаясь в замечательную ажурную шаль, связанную мною ко дню ее рождения.

– Вера, отстань, – машинально отвечала я, считая петли.

– Да все уж, отстала, – сокрушалась старшая мамина сестра, – кому ты нужна? Никому!

– Вот и хорошо, – соглашалась я.

– Чего хорошего! – шмыгала простуженным носом Веруня. – Вот прическу ты новую сделала в парикмахерской, из шатенки в блондинку превратилась, а оценить некому! Фитнесом целый год занималась, похудела аж на восемь килограммов, отшлифовала фигуру, а для кого, спрашивается? Нет рядом мужика, который бы мог тобой гордиться и показывать своим друзьям и коллегам!

– Ну, Вера, ты совсем! Я тебе что, породистая собака или семейная реликвия, чтобы мной «гордились и показывали»!

– Ничего ты не понимаешь в этой жизни, Тоня, – кивала тетушка. – До тридцати дожила, ума не нажила.

Простите, не представилась: Антонина, но родные и друзья зовут меня Тоня, Тоша, в общем, кому как нравится. Мне тридцать два, работаю менеджером в агентстве недвижимости «Ваш дом», по мнению коллег (если не врут) – хороший профессионал и душа компании, но для тетушки я по-прежнему дите неразумное, которое еще надо воспитывать и воспитывать.

Ежевечерние «педагогические» беседы давно перестали меня раздражать. Верочка такой человек, что бесполезно ей что-либо доказывать, она сама давно все придумала и сделала выводы. И даже пусть неправильные, разубедить родственницу невозможно.

Налив чая, тетя приготовилась поведать мне новую историю из семейной (безусловно, счастливой) жизни коллеги, но помешала соседка со второго этажа, Танечка Петрова, моя одноклассница. Кстати, еще один идеал счастливой женщины: имеет мужа Виктора, работающего по вахтовому методу, и двоих сыновей, девятилетнего Кольку и пятилетнего Мишку, весьма хулиганистых шкетов. Из-за старшего сыночка Татьяна постоянно бегает в школу, чтобы выслушать из уст завуча выговоры по поводу разбитого стекла или разрисованной парты. Из-за младшенького мать несется в детский сад, потому что воспитательница без конца жалуется: Мишка то жвачку в волосы кому-нибудь из ребят закатает, то камнями во время прогулки бросается. А когда прелестные детки затевают дома свару, у меня пол ходуном ходит, потому что, к сожалению, Танькино семейство живет в квартире как раз под моей.

– Тоша, выручай, – взмолилась Танька, как только я открыла дверь. – Витеньке удалось горящую путевку раздобыть, в Египет летим вместе с ребятами послезавтра, а тут позвонила моя сестра Ленка – помнишь ее, на два года нас старше? – и сообщила, что отправила поездом к нам своего сына Димку. Видишь ли, ей срочно нужно уезжать в командировку, а другой родни, кроме нас, нет! Такая беспардонная личность! Сначала укатила в тьму-таракань, влюбившись по уши в военного-перекати-поле, потом развелась с ним, ни с кем из нас не посоветовавшись, а теперь о помощи просит! Вот куда я ее Димку дену, а? Не отказываться же от путевки? В кои-то веки собрались всей семьей отдохнуть, в море покататься.

Да уж, подложила сестрица Аленушка свинью родственникам.

– Вся надежда на тебя, Тоша! – чуть не плакала Танька.

– Подожди-подожди, – удивилась я, – как это больше не к кому! А ваши родители? Неужели не приютят внука!

Татьяна горестно вздохнула:

– Ленка с ними в контрах с тех пор, как замуж за своего лейтенантика выскочила. Сама с ними не разговаривает и Димку против деда и бабки настроила ого-го как! Да и нет их в городе, в санатории отдыхают.

– Извини, Таня, – в коридор выплыла тетушка, – Антонина не сможет принять твоего племянника. Да и не справиться ей с ребенком, опыта нет.

– Разве ж это ребенок, – возразила соседка, – в апреле тринадцать исполнилось. Взрослый парень! Ну, Тоша, милая, ну, выручи, когда еще у нас получится отпуск вместе провести!

– И не уговаривай, Татьяна, – завозмущалась Веруня. – не будет этого! Чужого человека в дом! А может, он вор! Или хулиган.

Танька понурилась, забормотала извинения, а в меня не иначе как бес вселился:

– Ладно, оставляй своего хулигана, сделаю тебе одолжение. Надолго? На месяц? Договорились.

Татьяна осыпала меня благодарностями, порывалась обнять, да стушеввалась под грозным взором Веры. Побежала вниз по лестнице, крикнув:

– Димка завтра вечером приезжает, мы его встретим и сразу к тебе доставим...

Глава 3

В час икс Димка предстал предо мной во всем великолепии. Это оказался худощавый подросток, состоявший, казалось, из одних углов. Острые локти, острые коленки, острый нос, на котором косо сидели очки а ля Гарри Поттер, и даже острый хохолок белесых недавно стриженных волос словно предупреждали: мальчишку лучше не трогать, а то уколешься. Одет он был в застиранную футболку с какой-то оскаленной мордой на груди и в такие же застиранные джинсы. На ногах – стоптанные старые кроссовки. В руке подкидыш держал тощий рюкзачок, в котором, на мой взгляд, с трудом могла уместиться только пара сменного белья, не больше.

Татьяна, впихнув племянника в мою квартиру и скороговоркой представив нас друг другу, унеслась торпедой – уже ночью ее семейство должно было вылетать на вожденный отдых, а чемоданы еще не собрали, не все покупки сделали и т.д, и т. п.

Парнишка уныло посмотрел вслед родственнице и уперся взглядом в пол, застыв у дверей прихожей.

«Мамочки, и что мне делать с этим истуканом?» – с ужасом подумала я.

Еще вчера, приняв скоропалительное решение приютить Танькиного племяша не столько из человеколюбия, а, прежде всего, чтобы отомстить Вере, я вспомнила студенческие годы, когда летом, в каникулы, работала в загородном лагере вожатой, и решила, что вполне справлюсь с юным гостем. Главное, не доносить мальчишку нравоучениями, и мы подружимся. Я всегда находила общий язык с ребятами из отряда. Но Димка...

Я смотрела на этот ошетилившийся «многоугольник» и не знала, с чего начать. Потом кашлянула и каким-то не своим, очень педагогическим голосом изрекла:

– Здравствуй, Дима. Меня зовут Антонина Сергеевна. Я подруга тети Тани. Этот месяц ты будешь жить у меня. Твоя комната готова, можешь оставить там свои вещи. Умойся с дороги и пойдем ужинать.

Мальчишка перестал изучать линолеум и с хмурым интересом посмотрел на меня. Под его оценивающим взглядом я и вовсе растерялась и залепетала что-то невразумительное о том, что в нашем дворе много подростков, с которыми он непременно подружится, что в выходные можно сходить в парк аттракционов, а в будни – в кино...

Димка коротко кивнул. В его глазах явственно читалась насмешка. «Чудовище, – тоскливо подумала я, – неужели Вера права, и я готова спасовать перед этим тринадцатилетним недоразумением?»

– Ладно, – хрипловатым ломающимся баском сказала «чудовище», – комп есть? А Интернет?

– Есть, – обрадованно отвечала я. – Как раз в твоей комнате стоит компьютер, можешь пользоваться.

Подросток снова кивнул, вышагнул из кроссовок и протопал в спальню, которую я подготовила для гостя.

Когда я через полчаса заглянула в комнату к Димке, то увидела, что мальчишка прилип взглядом к монитору. Пацан был настолько увлечен, что не заметил моего появления.

– Дима, ужинать, – позвала я.

Тот, кажется, меня не услышал. Или не пожелал услышать?

Я повысила голос, но парнишка по-прежнему находился в каком-то своем мире, куда мне пути, похоже, не было.

Плюнув на недоброжелательного гостя, я вернулась на кухню и закрыла блюдо с пышными оладьями и вазочку с вареньем полотенцем: захочет есть – накормлю. Сама же плюхнулась на диван и принялась за вязание.

Через час я снова провела Димку. Должен же он, наконец, проголодаться! А может, парень просто стесняется незнакомой тетки, которой его навязали?

Димка спал. Сидя на стуле и уронив голову на стол – светлый вихор касался края клавиатуры – мой подкидыш сладко посапывал. На черном экране монитора кружились разноцветные спирали – компьютер вошел в режим ожидания.

– Вот горяшко, – простонала я.

Я расправила постель на случай, если мальчик проснется и захочет лечь, а пока прикрыла Димку пледом. Он даже не шелохнулся. Зато «ожил» монитор – я нечаянно коснулась компьютерной мышки.

На экране появилась «страница» какого-то сайта: фотография взрыва, а под ней текст. Машинально я скользнула по строчкам взглядом:

«... У будущего свои планы.

...Павел захрипел, выгибаясь в дугу. Жестокая, произвольная судорога свела все тело; он закашлялся и сплюнул на пол горький сгусток.

Тяжело дыша, он обвел пустую платформу безумным взглядом.

– Это лишь сон... – вырвалось у него. – Кошмарный сон...

«Разве?» – раздался в мозгу безликий голос. – «Ты только что видел, как умерло человечество»...

– Это еще что такое? – удивилась я. – «Станция невозвращения... Глава пятая.» Автор – Скарм...

Ба! Электронная библиотека!

– А ты, оказывается, книголюб, – улынулась я, – ну, тогда дело в шляпе.

У моей тетушки – огромная библиотека. Веруня обожает читать и все, кто тоже предпочитает хорошую книгу просмотру телевизора, сразу и безоговорочно становятся ее близкими друзьями. Плюс ко всему, тетушка, с тех пор как посетила пару занятий в компьютерной школе для пенсионеров, стала завсегдатаем различных литературных сайтов.

Я просто уверена: эти двое найдут общий язык, и Вера прекратит на меня дуться. Тетю, несмотря ни на что, я люблю, и не желаю с ней ссориться.

Глава 4

Звонить Вере и уговаривать не пришлось. Она заявила без приглашения на следующее утро. На мой взгляд, в несусветную рань – в полвосьмого. Насупив брови, шагнула на кухню и принялась выкладывать на стол из набитой до отказа сумки штук двадцать глазированных сырков в полиэтиленовом пакете, здоровенный шматок телячьей вырезки, огурцы, помидоры, яблоки, груши, домашний творог и банку сметаны, пирожки, бутылку молока и пакет сока... Апофеозом стали кастрюлька с маринованными в соевом соусе куриными грудками и баночка красной икры. Тетушка, судя по всему, обчистила продовольственный магазин и почему-то решила спрятать награбленное в доме любимой племянницы.

Презрительно оглядев тарелку с почерстевшими вчерашними оладьями, которые я намеревалась разогреть на завтрак, Веруня хладнокровно запихала в холодильник продукты, поправила сбившуюся прическу и заявила:

– Ладно уж, хоть ты и вела себя по-свински, но мой долг помочь. Уж не этими ли сушенками, – тетя снова уничижительно посмотрела на оладьи, – ты собралась потчевать гостя? Даже если он хулиган, то питаться обязан нормально, как того требует растущий детский организм.

– Ну, Вера, – я только и могла, что развести руками, изумленно повторяя: – ну, Вера!

– Завтрак будет через полчаса. Надеюсь, твой беспризорник не откажется от творожников со сметаной? – И тетюшка бесцеремонно вытолкала меня из кухни, чтобы я не мешала ей священнодействовать у плиты.

Стоит сказать, Вера изумительно готовит. И я искренне сочувствую мужчинам, которые тридцать-сорок лет назад в поиске невест не обратили внимания на мою скромную «серенькую» родственницу, погнавшись за раскрашенными наглыми девицами, которые только и могли что цокать каблуками и жеманно покачивать бедрами. Уверена: даже варить простенькие щи эти красотки толком не научились и после замужества, так что их мужья страдают теперь гастритом и мучаются язвой. Поделом! Женись кто на Веруне, каждый завтрак, обед и ужин встречал бы с ликованием.

Тетя – художник кулинарного искусства. Помню, в детстве я любила забегать к ней «на чай». Но всякий раз скромное чаепитие оборачивалось грандиозным пиршеством. Только у Веры я ела вкуснейшие горячие бутерброды в виде корабликов с парусами, наслаждалась изумительным фруктовым муссом и тортом «Птичье молоко» домашнего приготовления. А вкуснее ее картофельных ватрушек я в жизни ничего не пробовала!

Видно, моя дорогая родственница решила встретить «хулигана» во всеоружии. Проще говоря, накормить до отвала и... перевоспитать. Протоптать, так сказать, тропинку к сердцу через желудок.

– Ты вот что, – буркнула Веруня, высунувшись из кухни, – можешь идти на работу совершенно спокойно. Я за мальчишкой присмотрю. Как его зовут? Дмитрий? Хорошее имя.

Я, правда, намеревалась взять отгул, чтобы не оставлять гостя одного в первый же день пребывания в чужом городе, но раз тетя настаивала... Быстренько облачилась в брючный костюм, схватила плащ и уже была на пороге, когда тетюшка насмешливо крикнула:

– И куда же ты в тапочках? Между прочим, всю ночь шел дождь, промокнут твои «зайчики».

Я посмотрела на ноги и чертыхнулась: моя рассеянность не знает границ. Успешный менеджер, гордость фирмы чуть не отправилась на работу в комнатных шлепках, украшенных кокетливыми пушистыми заячьими ушками. Смешную обувь подарила мне мамуля. То ли к Новому году, то ли к восьмому марта. Не помню точно. Знаю, что к какому-то празднику. И «зайчики», как называет тапочки Вера, мне очень нравятся. Теплые, мягкие, они словно

ласкают ступню. Эх, жаль нельзя в них в офисе появиться. Всунув ноги в туфли, я поспешила к выходу, бросив по дороге дежурное: «Не скучайте!».

– Не соскучимся, не бойся, – крикнула в ответ тетушка.

Волнение, найдут ли общий язык Веруна и Димка, испарилось, стоило мне войти в агентство. Да вообще все из головы вылетело, потому что шеф, увидев меня, гаркнул:

– Синецына, ко мне в кабинет! Живо!

С такой интонацией начальство либо увольняет, либо предлагает проштрафившимся сотрудникам самую невыгодную работу, и я, понурившись, посеменила за директором, хотя никак не могла уразуметь, в чем, собственно, провинилась. Кажется, напротив, за последний месяц провела несколько блестящих (без преувеличения!) сделок, и шеф был весьма доволен мной, даже обещал повышение в должности.

Войдя в кабинет, директор агентства развалился в мягком кожаном кресле и жестом показал мне на стул. Я опустилась на жесткое сидение. По лопаткам пробежала легкая дрожь. Я моментально «нахлобучила» любимый купол и сразу почувствовала, как тревога проходит. Теперь я спокойно разглядывала «хозяина», пока он поедал меня своими маленькими противными молочными глазками.

Директор агентства недвижимости, в котором служу, человек, в общем-то, неплохой, но и хорошего о нем я мало слышала. Я не знаю, что он любит, чем занимается в часы досуга, потому что с начальством предпочитаю находиться на расстоянии. Для меня это только наниматель, хотя наши сотрудницы открыто о нем вздыхают и надеются когда-нибудь захомутать.

Надо честно признать, мужчина он видный. Чуть за сорок. Подтянутый, спортивного телосложения. Светло-голубые глаза. Прическа – классический «бокс». Всегда одет с той небрежной тщательностью, которая выдает неженатого аккуратиста и так импонирует одиноким заждавшимся своего счастья дамочкам. Обожание подчиненных Герман Сергеевич Стуков выносит с удовлетворением, ему явно льстит, что тетки таскают ему домашнее печенье, которое пекут, как говорит одна киногероиня, «с любовью», без конца заваривают чай и дарят мелкие сувениры в виде ручки или зажигалки.

Я не пеку, не завариваю и не дарю. Поэтому для шефа я «еще та штучка» – однажды случайно услышала, как он охарактеризовал меня приятелю, забежавшему к нам в офис в обеденный перерыв. Кстати, приятель Стукова мне понравился. Такой колоритный кареглазый крепыш с курчавой бородкой! И сразу видно, что живчик. Я бы с ним перекинулась парой фраз за чашечкой кофе. Только даже если он и хотел меня пригласить в кафе (недаром же обо мне спрашивал!), то после такой «рекомендации» уже вряд ли отважится.

– Вот что, Антонина, – шеф перестал поедать меня глазами и взял со стола папку с документами. – Некая Ангелина Тупикова продает дом в деревне Перемыкино. Местечко живописное. Лесок, экологически чистый район. Просит за него всего-ничего – миллион рублей.

Я удивилась:

– Там что, бревенчатый сарай на клочке земли? Хотя очень может быть. Насколько я помню, Перемыкино – из умирающих деревень. Местных жителей – «полтора землекопа», остальные – дачники. Да, лес там есть, и озеро имеется. А еще на краю деревни – старое кладбище. Может, этот дом как раз на могилы окнами смотрит?

– Это ты и проверишь, – заявил Герман Сергеевич. – Съездишь, посмотришь, что за изба, хотя, судя по документам, это приличный двухэтажный коттедж. Есть газ, водопровод. Имеется гараж и земли там двадцать соток. Сама понимаешь, странные деньги.

Я пожала плечами:

– Таких цен давно нет.

– Вот и посмотришь на месте. Прямо сейчас отправляйся. А к вечеру доложишь.

– Герман Сергеевич, – заныла я, – туда добираться-то! До ночи не вернусь! Машины у меня нет, а до Перемыкина автобус не ходит! Если на электричке, а она, между прочим,

только в шестнадцать ноль-ноль отправляется, только к вечеру в деревню попаду. Еще от станции по лесу пешком километров семь топать! Да мимо кладбища...

– Вурдалаков боишься? – хохотнул Стуков, довольный собственной шуткой. – Ладно, из уважения к тебе как к ценному сотруднику, дам служебную машину. Только сегодня у Вадима отгул. Поедешь завтра. С утра. А к вечеру доложишь!

Глава 5

Шеф милостиво давал служебную машину! Читатель уже явственно представил себе навороченный внедорожник, а я, признаться, взгрустнула: ну все, теперь точно где-нибудь в полях или лесах у деревеньки Перемыкино застряну на всю ночь.

Дело в том, что наш водитель раскатывает на выдавшей виды «семерке». Когда три года назад директор агентства решил, что нам нужен автомобиль, по объявлению явился Вадим Куницын, двадцатипятилетний длинный худощавый парень, владеющий этим самым раритетом грязно-зеленого цвета. Впрочем, свою машину Вадик обожает, называет «лапушкой» и на полном серьезе может рассуждать о том, что его рухлядь на колесах «не в настроении» или «недомогает», словно речь идет о живом человеке. Наверное, Герман отказал бы Куницыну, но на мизерную зарплату никто больше, кроме этого странного парня, не польстился.

А странный он потому, что и зимой, в жуткий мороз, и летом, в едкий зной, носит кроссовки, потертые джинсы и хлопчатобумажную футболку. Когда я, облаченная в шубу, бреду на работу, проклиная январскую непогоду и минус двадцать пять с ветром, и вдруг вижу бодро шагающего к офису Вадика в прикиде «Да здравствует воспаление легких!», кожа сосульками покрывается от одного его вида. А Куницын словно не чувствует холода!

– Что ты хочешь, – рассмеялась моя коллега, двадцатилетняя Светлана, подружившаяся с водителем, – Вадик – из «деток». Про Порфирия Иванова слышала и про закалывание организма? Вот наш Вадюша – его преданный поклонник и последователь. Правда, в психушке не лежал, как его вдохновитель.

А еще Куницын доверчив как дитя и регулярно попадает в глупые ситуации. То ему предложат на улице купить телевизор, естественно, «по коммерческой акции», в результате чего Вадик спустит всю зарплату и, конечно, останется не только без денег, но и без вожеленного «ящика». То к нему нагрянет из деревни какая-нибудь троюродная тетка или приятель брата жены двоюродного дяди (у бедного парня, видать, большая родня), которым нужно по делам в город съездить, да хочется сэкономить на гостинице. И гостят гости дорогие по месяцу, а живет Вадик, надо заметить, в однокомнатной квартирке и, отдав родственникам кровать, сам спит на полу в кухне. Впрочем, ему нигде не холодно и не жестко. Уникум!

Но если с причудами водителя я могла смириться, поездка на «семерке» пугала. Хоть Вадик и лазил к своей «лапушке» под капот регулярно, ломалась она постоянно. Тем более, я совершенно не переношу быстрой езды, а Куницын – Шумахер местного значения, скоростной режим меньше ста километров не признает.

Поэтому прикинув все прелести предстоящей поездки, я позеленела, почувствовав подступивший к горлу рвотный спазм.

Увидев вытянувшееся лицо подчиненной, Стуков ехидно поинтересовался:

– И чем мы опять недовольны? Извини, лимузинов не припас!

Я подавила вопль негодования, сжала губы и попыталась изобразить улыбку.

– Вот и чудненько, – пропел шеф, теряя ко мне всякий интерес.

Когда я выпала из приемной, подскочил Вадик и, со щенячьим восторгом заглядывая в глаза, поинтересовался, во сколько завтра отправляться в путь – видать, подслушивал под дверью.

– В девять, – ответила я и мысленно простонала:

«Господи, дай мне силы вынести это путешествие!»

До вечера больше ни о чем, как о предстоящей поездке, я думать не могла.

– Кислых леденцов с собой возьми, – посоветовала Света, зная мою любовь к катанию на автомобилях. – Да не волнуйся, Вадька, если тебе понадобится, всегда сделает остановку.

Вот спасибо-то!

Домой я вернулась больная от переживаний.

– Наконец-то, – возмущенно фыркнула тетушка, стоило мне только открыть дверь. – Твой подкидыш мне все нервы вытянул! Не ребенок – законченный мерзавец! Теперь я не удивляюсь, почему мать спланировала сыночка куда подальше!

– Вера, объясни, что случилось, – устало сказала я, – только не части, пожалуйста!

У любимой родственницы есть мерзкая привычка: когда торопится что-либо рассказать, начинает говорить быстро-быстро, глотая окончания.

Веруня надулась:

– Этот мальчишка оскорбил меня!

Я удивилась:

– Надо же, а с виду вроде нормальный парень. Он что, обозвал тебя?! Как?!

Тетя шмыгнула:

– Нет, не обозвал. Он... он...

Да что такое сделал Димка, что у Веры даже слов не находилось, чтобы описать должным образом его недостойное поведение?

– Он отказался есть! – выпалила наконец тетушка. – Когда я утром позвала его завтракать, он заявил, что не может себе этого позволить. Я подумала: мальчик просто не любит творог, но он не стал есть и йогурт, и фрукты. Ничего! А к обеду я приготовила курочку в соевом соусе, такая вкуснятина получилась, но этот изверг даже не вышел к столу! Испекла пирожки с капустой и яблоками – тоже не устроило! Целый день голодом сидит! Сидит и пялится в компьютер...

Вера чуть не плакала. Что тут скажешь! Лучше б Димка нагрубил, но при этом слопал завтрак и обед, да с добавками, и тетушка была бы счастлива. А надменный отказ от угощения – самая настоящая оплеуха повару-виртуозу.

Я решительно направилась в комнату гостя. Надо выяснить, почему мальчишка объявил голодовку. В конце концов, через месяц мне нужно вернуть его матери целым и здоровым, а сами понимаете, что без питания это весьма проблематично.

Димка, видимо, слышал, как я вернулась домой, поэтому при моем появлении поднялся со стула и кивнул, словно поприветствовал.

– Дима, – осторожно сказала я, – Вера говорит, что ты не стал ни завтракать, ни обедать. Почему?

Парнишка поднял на меня серьезные глаза и ответил хрипловато:

– Я не хочу вас объедать. Достаточно того, что вы предоставили мне кров. У меня есть деньги, я могу сам покупать еду. Вы только покажите, где магазин, а то я не знаю города.

Сначала я опешила. А когда до меня дошел смысл дурацкой напыщенной фразы (какой начитанный мальчик – врезать бы ему между лопаток хорошенько!), разлилась не на шутку:

– Засунь свои деньги, знаешь куда?.. Человек для тебя старался, хотел порадовать, а ты своим отказом в душу плюнул. Мне-то все равно. Хочешь – голодай дальше, пока в скелет не превратишься, вот мать-то обрадуется при встрече с таким дистрофиком! Только мою тетю обижать не смей. В нашем доме принято гостей угощать, а ты – гость. Так что изволь подчиниться! И больше не выпендривайся! Сейчас ты пойдешь на кухню и будешь уплетать за обе щеки и завтрак, и обед, и ужин! Выхода у тебя нет. Либо ты живешь по нашим правилам, либо я немедленно звоню твоей матери, и она прерывает командировку и, естественно, лишается заработка. Хочешь?

– Не надо, – вспыхнул Димка. – Я все понял.

Следующие полчаса подросток провел за кухонным столом, уписывая одну тарелку за другой, а Вера, умильно улыбаясь, подкладывала «извергу» самые вкусные, на ее взгляд, кусочки. Она уже не сердилась. Здоровый аппетит – для нее лучшая награда.

– Димка, – вдруг предложила я, сама от себя того не ожидая, – мне завтра за город по делам нужно. Поехали со мной? Не киснуть же целыми днями дома, а там лес, озеро...

Паренек проглотил кусок пирожка с яблоками, вытер губы и сказал:

– А чего? Поехали.

Вера захохотала и пообещала приготовить нам с собой «паек».

– И этих пирожков положите, пожалуйста, – попросил «подкидыш», – просто объедение!

Вера радостно закивала и бросила на меня торжествующий взгляд.

Глава 6

Вера поехала с нами.

Весь вечер она стряпала и варила, собирая в путь-дорогу «котомку», следуя совету умудренных опытом путешественников: в лес идешь на день – хлеба бери на неделю. А потом вдруг заявила, что вдоволь надышалась отравленным городским воздухом, и ей крайне необходимо вырваться на не изгаженную цивилизацией природу:

– Без меня вы все равно голодом насидитесь. Надеюсь, в машине найдется еще одно место для не слишком стройной пожилой дамы?

Веруня кокетничала: ей удалось с девичества сохранить стройный стан.

Я не знала, радоваться мне или печалиться: впервые по делам фирмы я отправлялась в компании подростка и престарелой тетушки. Но могла быть полностью уверена: с такими попутчиками точно не соскучусь.

– Только я сначала заскочу к Марусеньке, на пять минуточек, – предупредила Вера.

Маруся, вернее Мария Павловна Кочеткова, – любимая подруга тетушки. Дружат они с детства. Когда Мария после окончания пединститута вышла замуж за военного и уехала с ним, приятельницы долгие годы переписывались. А несколько лет назад Кочеткова вернулась в наш город. Вера немедленно навестила подругу, вернулась домой в слезах и, безостановочно всхлипывая, рассказала мне, что «у Марусеньки несчастье». Ранним утром они с мужем Геннадием ехали с дачи на своем заслуженном «жигуленке» и попали в ДТП. Виновником аварии стал заснувший за рулем дальнбойщик: фура смяла автомобиль Кочетковых и протащила несколько метров. Прибывшим на место трагедии спасателям пришлось вырезать из покоренного металла труп Геннадия. Мария осталась жива, но ей раздробило ноги. Женщина превратилась в беспомощного калеку. Скитания по больницам ничего, кроме горечи не дали. Врачи не стали лукавить и обнадеживать: Марии Павловне уже никогда не встать с инвалидного кресла. Детей у Кочетковых не было. Мария продала дачу и квартиру и вернулась в родной город. Здесь ей по наследству от родителей досталась двухкомнатная «хрущевка». Женщина наняла сиделку и начала учиться жить в новом качестве.

Конечно, Вера принялась опекать подругу. Первое время дневала и ночевала у нее, готовила разные вкусности, развлекала историями. Но потом Мария Павловна сказала:

– Вера, хватить меня пестовать, как грудничка! Купи мне лучше компьютер и проведи в квартиру Интернет. Надо же мне чем-то полезным заниматься, а не только твои ватрушки да вареники трескать!

Вера просьбу выполнила. Маруся ожила. Она буквально поселилась на нескольких сайтах, с помощью Интернета нашла приработок в качестве копирайтера...

Но самое главное, такой же страстный книголюб, как Вера, Мария Павловна получила возможность читать книжные новинки, не покидая квартиры. У нее и любимый автор появился – весьма плодовитая на истории в жанре фэнтези писательница, скрывающая настоящее имя под псевдонимом СИРена.

– Послушай, Вера, – однажды сказала Мария Павловна подруге, – хочу тебе прочитать:

«...Ильда подняла руку и осторожно прикоснулась к затылку. Там, в задней части шеи, чуть ниже основания черепа, под кожей, вздувались два продолговатых бугорка.

«Это я, твой сожитель, твой симбионт, – вновь прозвучал чуть ироничный голос. – Отныне мы одно целое. Я – это ты, а ты – это я. Нас нельзя разделить. Мои биопроводники срослись с твоей нервной системой и клетками головного мозга. Все, что будешь чувствовать ты, буду чувствовать и я. Если с твоим сознанием что-то случится, и ты временно отключишься, я смогу управлять телом. Ты можешь пользоваться моей памятью и базой данных, а она огромна, уж поверь»...

– Мне бы такого симбионта, – вздохнула Кочеткова, – тогда, быть может, он заставил бы мои ноги двигаться.

– Что такое ты мне прочитала? – удивилась Веруня.

– Это из новой книги СИРены. «Врата миров». Знаешь, она пишет о смелых, мужественных женщинах, которым в жизни приходится нелегко, порой даже хуже, чем мне, но они все равно остаются победителями. Преодолевают все напасти, наказывают недругов, хранят верность друзьям, а если любят, то искренне, неистово. Почитай, не пожалеешь.

– Ну, я твоему вкусу доверяю, – рассмеялась тетушка. – Как этот литературный сайт называется?..

С экрана монитора Веруня читать не умеет. Она распечатывает понравившееся произведение. Вот и теперь, собираясь со мной в Перемыкино, тетка сунула в сумку объемистый сверток. Поймав мой недоумевающий взгляд, Вера улыбнулась и пояснила:

– А вдруг придется заночевать в деревне? Чем я буду заниматься вечером? Кстати, я и твоё вязание положила.

Как мы договорились с Вадиком, он подогнал машину не к офису, а к моему дому. Вера, вернувшаяся от подруги с кожаным плоским чемоданчиком, заняла вместе с Димкой заднее сидение, я уселась рядом с водителем, лихорадочно нащупывая в кармане куртки коробочку с монпансье. Мы еще не тронулись с места, а меня уже мутило!

– Вадик, – вымученно попросила я, – ты только не гони, пожалуйста.

– Да знаю я, – успокоил Куницын, – Светлана предупредила о твоей фобии.

Я приготовилась к дорожным мучениям. С заднего сидения доносились увлеченная болтовня и чавканье – похоже, тетушка и «подкидыш» решили начать уничтожение припасов немедленно. Запах съестного раздражал ноздри, противный комок подступил к горлу. Чертыхнувшись, я сунула в рот леденец и закрыла глаза. Мне хотелось умереть на время поездки и воскреснуть, когда мы уже окажемся в Перемыкино.

Впрочем, поездка оказалась не такой жуткой. Ехал Куницын аккуратно, понапрасну мои расшатанные нервы не тревожил. Правда, Вадика все же приходилось раза три останавливать на обочине свою колымагу, и я вываливалась наружу с бледно-зеленой физиономией и широко разевала рот, стараясь преодолеть рвотные спазмы. Но это, безусловно, мелочи.

Погода была прекрасная, солнце, наконец, вспомнив, что на улице май, щедро грело, и мои попутчики скинули куртки, распахнули окна и предались милой беседе. Я диву давалась: ну какие общие интересы могут быть у пенсионерки и подростка? А надо же, нашлись! Только я сидела букой и с нетерпением ждала окончания путешествия.

– Вот оно, Перемыкино, – наконец сказал Вадик, кивнув на дорожный указатель.

По правую руку от дороги зеленой стеной стоял сосняк. А с левой стороны простиралось кладбище. Между редких деревьев и кустов виднелись кресты и надгробные плиты.

– Чудесно, – засияла Веруня, повернув лицо к лесному пейзажу, – райское место! Кстати, Маруся хотела в деревеньке на лето дачу снять. Может быть, что-нибудь и в этом Перемыкино найдется?

– А где дом? – спросил Димка, посвященный в цель поездки.

– Улица Центральная, 23, – прочитала я адрес, записанный в блокноте. – Кстати, хозяйка должна нас встретить, мы созвонились вчера вечером. Договорились, что она будет ждать как раз у указателя.

Мы высыпали из машины. Вадик тут же полез под капот своей «лапушки», а Вера вполне резонно поинтересовалась:

– Куда теперь?

Я терзала сотовый, пытаясь дозвониться до клиентки, но тщетно.

– Гудки идут, а отвечать никто не спешит, – пожаловалась я тетушке.

– Может, сами найдем этот дом? Вон сторожка виднеется, там спросим.

Димка понесся к неказистому домишке, вросшему в землю чуть не до наличников.

– Стой, Димочка, – заголосила тетушка, – осторожнее! А вдруг здесь водятся змеи?

– Ну, Вера! – покачала я головой. – Мы не в Африке!

– Темнота, – отмахнулась от меня родственница, – в наших лесах всяких гадов полным-полно, только ты, горожанка до мозга костей, этого не знаешь. И кстати, незачем бежать, потому что вот он, местный житель, навстречу идет. У него и спросим...

Действительно, из-за деревьев к нам приближался здоровенный, под два метра ростом, мужик в штурмовке и холщовых штанах, заправленных в высокие сапоги. Незнакомец был богатырского телосложения и напомнил мне Илью Муромца с известного полотна. Еще не стар, но умудрен житейским опытом. Волосы до плеч, борода – лопатой. В руках «богатырь» держал... нет, не палицу. Лопату.

– Дед-мороз – могильщик, – брякнул вернувшийся к нам Димка и получил от тетушки основательный шлепок по спине. Или чуть ниже спины.

– Здравствуйте, уважаемый, – засветилась радушием Вера. – Не подскажете, где нам найти в Перемыкино улицу Центральную?

– Да здесь только одна улица и есть, – усмехнулся в усы мужик. – Да зачем вам? Дачу, что ли, снять хотите? Дак выбирайте любой дом из заколоченных, таких в деревне много.

– Нет, голубчик, – пуще засияла тетушка, – нам нужен конкретный дом. Двадцать третий. Его хозяйка продают, мы бы хотели посмотреть...

Могильщик отшатнулся:

– Бесовское гнездо! Да вы с ума сошли?! На крови да костях детишек невинных дом тот построен! Из-за Родьки-людоеда, почитай, пол-деревни вымерло! Проклят тот дом!

«Неудивительно, что владелица особняка выставила дом на продажу за такую скромную цену, – подумала я, стараясь унять дрожь в коленях, – и сама, ясно почему, не приехала. Да тут сплошь и рядом чокнутые! А ну как двинет сейчас по черепушке лопатой!»

Вера прекратила сиять и, прижав к сердцу ладонь, сказала умирающим голосом:

– Зачем вы так, уважаемый! Понимаете, моя племянница, – жест в мою сторону, – служит в агентстве недвижимости, и ей поручили осмотреть дом перед продажей. Если он, действительно, имеет жуткую историю, то нам нужно об этом знать именно сейчас. Сами понимаете, нельзя обманывать потенциальных покупателей. Вдруг кто захочет купить дом этого... как вы сказали?

– Родька-людоед! Сколько горя он посеял! Сколько семей несчастными сделал! А все потому, что черный колдун был! Смерть его верной подругой стала, с ней он трапезой делился!

– Восторг! Это покруче любого ужастика! – выпалил Димка, слушавший могильщика с горящими глазами, и снова получил от тетушки легкий подзатыльник.

Впрочем, парнишка на Веру не обиделся. У них после вчерашнего ужина и долгой беседы на кухне, где тетя собирала дорожный паек, сложились особые, непонятные мне отношения.

Глава 7

– Ладно, дамы, и без провожатых дорогу найдем, – сказал Вадик, вытирая ветошью руки, – что мы, детсадовцы, которые без воспитательницы шага ступить не могут?

– И верно, Вадим, – согласилась Вера, задумчиво глядя вслед удаляющейся фигуре могильщика. – Димушка, прыгай в кабриолет, едем!

Километра через три показались первые дома Перемыкино. Но спросить адрес было не у кого. Избы стояли брошенные, с заколоченными окнами и дверями, палисадники заросли сорняком. На пороге одного из домов лежала худая дворняга. Она подняла морду, провожая машину потухшим, равнодушным взглядом, а потом снова уронила ее на пыльную землю.

– Пейзаж, нужно заметить, мало радостный, – констатировала тетушка. – Интересно, найдем ли мы здесь хоть одну живую душу?

Но вскоре картина изменилась. Мы словно пересекли невидимую черту, отделявшую мертвую зону от обычной деревни. За пустым огородом с покосившимся частоколом вдруг вырос крепкий свежеекрашенный зеленый забор с калиткой, у которой с важным видом сидела крупная лайка в ошейнике. Увидев нас, выбравшихся из автомобиля, собака предупреждающе гавкнула. Потом еще раз.

– Иду, иду! – отозвался веселый женский голос.

Из нарядного желтого кирпичного дома вышла молодая улыбчивая женщина в цветастом платье.

– Вы к кому, гости дорогие? – спросила она с легкой растерянностью.

– Не считите за труд, милая, – вступила в переговоры тетушка, – подскажите, как проехать до дома номер двадцать три? По улице Центральной?

– Ну, улица тут одна, Центральная, – ответила женщина. – А вам зачем?

– Я из агентства недвижимости, – пришлось вставить свои «пять копеек» и мне, – хозяйка дома выставила его на продажу. Я должна осмотреть здание.

– Понятно, – улыбка с лица собеседницы сошла на нет. – Вон этот дом, на пригорке, за березовой рощей. Видите, крыша оранжевая?

– А правда, что там раньше людоед жил? – встрял любопытный Димка. – Который младенцев ел?

– Ничего не знаю. Мы с мужем в Перемыкино недавно, да и не все время, а только летом, в дачный сезон.

– Жаль, – разочарованно протянул подросток, – а дядька, здоровый такой, с бородой, на кладбище говорил, что...

– А, так это вас Касьян пугал! – облегченно вздохнула женщина. – Не обращайтесь внимания, он немного не в себе. Вечно всякие глупости рассказывает, приезжих пугает. Хорошее тут место, спокойное. Опять же воздух... Летом жить – одно удовольствие!

Мы раскланялись, юркнули в машину и покатали к дому на пригорке.

– Да, воздух здесь и правда благодатный, – сказала Вера. – Сколько, говоришь, просят за домишко? Всего миллион? Знаешь, наверное, мы с Марусенькой это «бесовское гнездо» купим. Будем в Перемыкино отдыхать, клубнику выращивать. Красота! Подальше от городской суеты укроемся...

– Веруня, ты в своем уме?

– Разумеется. Мне Мария указание дала присмотреть ей домик в деревне. Вот я и присматриваю. Ах, чудо какое! Словно в сказку попала!

Последняя реплика относилась к двухэтажному особняку, построенному весьма своеобразно, ни под один известный архитектурный стиль здание не подходило: с остроконечными крышами и круглыми башенками, с резной верандой, окнами-арками на втором этаже и моза-

ичными витражами на первом. Окружал дом кованый забор, но тоже необычный: прутья переплетались между собой и представляли виноградную лозу, а на столбах у калитки сидели чугунные вороны, раскрывшие, словно для полета, крылья.

– Да-а-а...

Димка на несколько секунд замер, таращась на это странное великолепие.

Потом посмотрел на нас и подытожил:

– Вот, значит, где живут людоеды...

– Перестань, – поморщилась тетушка. – Дом как дом. Надо бы посмотреть, что внутри, а снаружи очень миленько.

– Ключей-то нет...

– Эй, вы покупатели? – окликнула нас пожилая женщина, вынырнувшая откуда-то сбоку, из зарослей кустарников. В руках она держала корзинку с куриными яйцами. – Мне хозяйка ключ оставила и велела всем, кому домик понравился, показывать. Так вы покупатели?

– Да, мы покупатели, – обрадовалась Вера.

– Нет, – сказала я, – мы из агентства недвижимости, – сколько раз мне еще предстоит за сегодняшний день говорить эту фразу! – и хотим посмотреть дом, потому как владелица заключила договор с нашей фирмой.

– А... Ну все равно пойдемте.

И старуха, как была с лукошком, двинулась к калитке.

– Смотрите, что ж, – женщина первой прошла по вымощенной красным камнем дорожке, поднялась на крыльцо и отперла навесной замок, висевший на массивной дубовой двери с резной ручкой.

– Какая красота, – простонала Вера, войдя в холл.

И я, признаться, поразились странному великолепию дома, проходя из комнаты в комнату.

На первом этаже их было две. Гостиную я смело могла назвать «красной комнатой» по аналогии с опочивальней усопшего дядюшки Рида из любимой и постоянно перечитываемой книги «Джейн Эйр». Непонятно чего добивался дизайнер, но и опущенные шторы с ламбрекенами, и ковер, и гардероб, и полированные кресла (только кровати с пунцовым пологом не хватало, чтобы окончательно свести меня с ума) – все здесь было красного цвета. Стены обтягивала светло-коричневая ткань с красным же рисунком!

– Офигеть! – сказал Димка. – А почему вместо обоев тряпка?

Я не ответила, ликбезом мальчишки занялась тетушка. Но я не стала слушать ее объяснений и шагнула в кухню. И снова удивление: в деревенском доме я готова была увидеть печь, но никак не навороченную технику брендовых производителей. А здесь имелась не только сверхсовременная плита и холодильник под потолок, но и посудомоечная машина, и вытяжной шкаф, и стиральная машина. На одной из кухонных тумб красовались термопот и йогуртница! Я даже поморгала. На мгновение показалось, что померещилось.

Следом притопали Вера с Димкой, тетя заохала, принялась разглядывать чудо-технику, я же двинулась по лестнице на второй этаж.

Здесь тоже было две комнаты. Первая представляла спальню весьма спартанского вида: узкая неудобная кровать, застеленная зеленым, в тон занавескам на окне, шерстяным одеялом и шифоньер года выпуска этак семидесятого – вот и вся меблировка. Зато второе помещение напоминало светлицу спятившей Барби: на окнах висели розовые шелковые шторы с кокетливыми бантами из ткани на тон темнее, розовые же ажурные салфеточки лежали на туалетном столике, гардеробе и подоконниках. В центре помещения стояла двуспальная кровать, укрытая шелковым покрывалом нежного поросычьего оттенка. К одной из стен (здесь были бежевые обои) крепилась полочка, на которой сидело и стояло не меньше двух десятков кукол-тонконо-

жек в различных туалетах. Единственное, что не вязалось с декором – ковер сумрачно синего цвета невесть как оказавшийся на полу в этом розовом гнездышке.

– Офигеть, – снова сказал Димка, прискакавший следом, – я бы сразу умер, если бы мне предложили пожить в такой комнате.

Я молча с ним согласилась.

– Ну что ты, Димушка, – возразила подошедшая тетушка, разглядывая чудный интерьер, – довольно мило. Для... юной особы женского пола. Только я не понимаю: владельцы, что, продают дом с мебелью?

– Посмотрели? – на второй этаж поднялась наша провожатая. – Что сказать хозяйке?

– А почему она сама не приехала? – спросила я, все еще пялясь на ковер: синий квадрат в бежево-розовом мире притягивал внимание, гипнотизировал.

– Заболела, – отвечала старуха. – Позвонила давеча, велела прибраться и вас принять. Я ведь раньше здесь домработницей служила. Жаль, конечно, что Ангелина Валерьяновна дом решила продать. Хорошо она платила. Да что уж тут! Как Родион Владимирович сгинул, так и она в город перебралась. И ничего с собой брать не стала. Сказала: если покупателям понравится, пусть с мебелировкой покупают.

– Родион? – наострил уши Димка. – Родька-людоед!

Я дернула паршивца за рукав, да поздно. Старуха яростно сверкнула глазами:

– А, уже наслушались всяких гадостей о Тупиковых? Да, в деревне их не любили. Так ведь кто? Гольтуба разная! Жрут водку день и ночь, а потом о порядочных людях сплетни пускают!

– Это спальня хозяйки? – спросила Вера, оглядывая комнату.

– Ее, как же! – домработница снова стала приветливой. – Она кукол Барби очень любила, целую коллекцию собрала. Да только и ее с собой не взяла почему-то. Здесь все сделано по желанию Ангелины Валерьяновны. Помню, шторы и ковер мы вместе покупать ездили, она все сокрушалась, что не могла подобрать в тон.

– А потом рассердилась, что все розовое, и постелила синий половик, – брякнул Димка, уставший от экскурсии и явно мечтавший о Вериных пирожках, оставшихся в сумке в машине.

– Почему синий? – удивилась рассказчица. – Хозяйка хотела купить ковер цвета чайной розы, такой, с бежевым оттенком, но были только... Как же она называла? Сумо... Нет, само! А проще говоря —цвета сырой семги. Ангелина Валерьяновна любила на обед эту рыбку кушать. Паровую, конечно.

– Ангелина – дальтоник? – рассмеялся наш подкидыш. – Ковер-то синий!

– Так ведь прежний пришлось выбросить, – покаялась старуха. – После того случая...

Глава 8

Старуха захлопнула рот, нахмурилась и, резко повернувшись, потопала вниз по ступеням.

– Тут кроется какая-то тайна! – как Буратино, заявил Димка, вздернув и без того курносый нос.

– Придумывай, – рассмеялась тетушка, – небось, хозяйка изволила завтракать в спальне и уронила тарелку... например, с вареньем. Или мазала ранку зеленкой и нечаянно опрокинула пузырек. Такие пятна ничем не выведешь. Вот и выбросили ковер.

– Нет, Вера, тут что-то другое, – задумчиво отвечала я, – по обстановке видно, что женщина с любовью украшала свою «светлицу», подбирала нежные тона. Посмотри, тут даже туалетный столик и гардероб бледно-розового цвета. И вдруг она стелет на пол такое страшилище! Ни за что не поверю. Подобный поступок скорее совершит мужчина, причем, не обремененный вкусом, и который очень спешит просто-напросто прикрыть оголившиеся доски.

Димка принял мои слова как руководство к действию и моментально загнул край ковра.

– Ой, – вскрикнула Веруня.

– Офигеть, – в третий раз за какие-то полчаса выпалил Димка.

Мальчишка от переполнявших его эмоций забыл о вожаемых пирожках и, опустившись на колени, начал сворачивать ковер, чтобы освободить странные надписи, сделанные на полу, видимо, черной краской.

– Я чувствую, спектакль наш скоро кончит-ся, – по слогам прочитал Димка и оторопело уставился на меня: – Че это такое?

– Это стихи! – воскликнула тетушка.

Медленно, с трудом разбирая витиеватый почерк, Вера с восторгом читала:

– Я чувствую, спектакль наш скоро кончится,

Но занавес пока не закрывай.

Не понимаю, почему мне хочется,

С тобою рядом быть. Ты это знай.

Ты помни: никакой другой награды,

Мне у судьбы уже не попросить.

Единственное, что мне очень надо:

С тобою быть, с тобою рядом быть.

– Милый стишок, – усмехнулась я, – как раз для девичьего альбома, куда романтично настроенные барышни собирают всякие глупости. Учитывая, что мы стоим посреди розового кошмара, а с полки на нас тарашатся идиотские барби, то смею предположить, что сей шедевр плинтусной лирики принадлежит хозяйке дома. Одно не пойму, зачем она пол испоганила? Такую краску очень трудно замазать...

– Материалистка до мозга костей, – возмутилась тетушка. – А может быть, влюбленная женщина написала эти строки для дорогого ей человека и хотела, чтобы ее настроение навсегда поселилось в этой комнате?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.